

Ахмадеев Камиль Наилевич**Akhmadeev Kamil Nailevich**аспирант кафедры российской политики
Санкт-Петербургского государственного университетаPhD student, Russian Politics Department,
Saint Petersburg State University**ТУРЕЦКИЙ ФАКТОР
В КРЫМСКО-ТАТАРСКОМ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ****THE TURKISH FACTOR
IN THE CRIMEAN TATAR
ETHNOPOLITICAL PROCESS****Аннотация:**

В статье рассматривается турецкий фактор, который воздействует на крымско-татарский этнополитический процесс. Исследуется историческое влияние Турции (Османской империи) на полуостров Крым. Определяется ментальное отношение Турции к крымско-татарскому сегменту Крыма. Анализируются диаспоральные предпосылки влияния Турецкого государства на этнополитические процессы, протекающие в Крыму. Дается определение идеологической платформе пантюркизма как идейно-политического обоснования турецкого присутствия в политических и экономических процессах полуострова Крым. Выявляются основные агенты и контрагенты турецкого влияния на крымско-татарское сообщество. Описываются процессы данного влияния по направлениям экономики и культуры. Выдвигается тезис о роли крымско-татарского этнического сообщества как связующего звена между Турецкой Республикой и Украиной до утраты последней фактического контроля над полуостровом Крым в 2014 г. Выдвигаются обоснования половинчатой позиции Турции по «крымскому вопросу», возникшему в 2014 г.

Ключевые слова:

этнополитические процессы, Турция, Украина, крымские татары, пантюркизм, национальные движения.

Summary:

The paper considers the Turkish factor which affects the Crimean Tatar ethno-political process. The historical impact of Turkey (the Ottoman Empire) on the Crimean Peninsula is investigated. The study determines the mental attitude of Turkey towards the Crimean Tatar segment in Crimea. The research analyzes the diaspora prerequisites for the influence of the Turkish state on the ethno-political processes arising in Crimea. The author defines the ideological platform of pan-Turkism as an ideological and political justification for the Turkish presence in the political and economic processes of the Crimean Peninsula. The paper identifies the main agents and contractors of Turkish impact on the Crimean Tatar community. The processes of this influence on economy and culture are described. It was argued that the Crimean Tatar ethnic community was a link between the Turkish Republic and Ukraine until the latter had lost the effective control over the Crimean Peninsula in 2014. The author substantiated that Turkey occupied the middle ground on the Crimean issue which arose in 2014.

Keywords:

ethno-political processes, Turkey, Ukraine, Crimean Tatars, pan-Turkism, national movements.

Важным фактором крымско-татарского этнополитического процесса является иностранное воздействие в лице Турецкой Республики, исторически связанной с данным этносообществом. Фактор турецкого влияния на крымско-татарский этнополитический процесс усиливается не только исторической связанностью народов Турции и Крыма, но и значительной диаспорой в самой Турции. Данные о количестве проживающих в Турции крымских татар разнятся. На территории этой страны имеется ряд анклавов, населенных как самими крымскими татарами, так и многими родственными им народами. Также надо учитывать тот факт, что официальная национальная политика турецких властей направлена на аккультурацию и ассимиляцию нетурецкого населения, а данные об этническом составе Турции официально не публикуются.

По мнению А.Г. Шевчука, Турция строит отношения с крымскими татарами как со своей диаспорой и потому не только лоббирует интересы крымских татар, но и учитывает это в проведении своей геополитической стратегии в Причерноморском регионе [1, с. 281]. Ряд исследователей полагают, что Турция вместе с некоторыми арабскими государствами играет активную роль в возрождении ислама в Крыму [2]. Важнейшим источником влияния Турции на крымско-татарский этнополитический процесс традиционно является идеологема пантюркизма, понимаемая в широком смысле как стремление к политической, экономической, культурной и этнической интеграции тюркских народов, в которой доминирующую роль предполагается отдать Турции как наиболее развитому с геополитической и социально-экономической точки зрения государству с преобладающим тюркским компонентом.

Идейная платформа пантюркизма активно разрабатывалась известным просветителем, философом и общественно-политическим деятелем крымско-татарского происхождения И. Гаспринским (1851–1914). Являясь активным деятелем национального движения крымских татар на рубеже XIX–XX вв., он выпускал первую в Российской империи тюркоязычную газету, имевшую свое

распространение на все тюркоязычные народы страны. Эмиграционные потоки из Крыма в конце XVIII – середине XIX, а также в XX в. главным образом устремлялись именно в Османскую империю. Как указывает О.В. Рябцев, «вассалитет Крымского ханства не воспринимался крымскими татарами как захват или оккупация, чему во многом способствовала этническая, культурно-лингвистическая и религиозная близость тюрков Крыма и Анатолии, исповедовавших магометанскую веру, объединяющую их на тот момент в рамках единого исламского халифата» [3, с. 59].

Турецкое влияние распространялось и на культурно-языковые маркеры крымско-татарской этнической группы. Долгое время официальным литературным языком в Крымском ханстве оставался османский. В сфере народного образования также было сильно османское влияние. Учебные пособия, образовательные методики, преподаватели присылались из Турции. Турецкая буржуазия исторически была заметно представлена в самом Крыму. В ее руках было сосредоточено некоторое количество столовых, пекарен, булочных, постоянных дворов, кофеен и объектов строительной сферы [4, с. 61]. Для самой Турции Крым исторически воспринимался как зона собственного влияния, выступая неотъемлемой частью тюркского ареала. «До конца XIX в. Крым не был ни русским в полной мере, ни тем более украинским, а в наибольшей степени был турецким» [5].

В условиях внутривосточных кризисов в Турции в начале XX в. актуализировался вопрос о формировании политической идентичности нового типа, что в конечном счете оформилось в виде идеи создания под эгидой турецкой нации тюркско-мусульманской федерации «Великого Турана». Наиболее значимыми структурами, функционирующими в области пантюркистского движения, были Milli Hareket Partisi («Партия национального движения» Турции) с боевым крылом Voz kurt («Серые волки»), Turk Ocakları («Тюркские очаги») и «Нурджулар». Идеологической платформой подобных им организаций выступали идеи исламизма (в меньшей степени) и тюркской надгосударственной консолидации (в большей степени).

Современное влияние Турецкой Республики на полуостров Крым является частью «мягкой силы» Турции, активизация которой началась с момента распада СССР и образования новых независимых государств, имеющих в своем составе значительный тюркский сегмент. Как отметил в 1992 г. премьер-министр Турции С. Демирель, «Турция расширится, несмотря на то, что границы останутся неизменными. Другими словами, Турция расширит свое влияние от Адриатики до Великой Китайской стены» [6].

Агентом влияния из Турции на крымско-татарский этнополитический процесс можно считать диаспору, проживающую в этой стране. Среди представителей турецкой элиты немало лиц, имеющих крымско-татарские корни [7]. Приверженность к исторической родине сохранилась в национальной памяти диаспоры, на что указывает известный специалист в области изучения диаспор У. Шафран: «Базовыми чертами диаспоры являются наличие у представителей этнической общины своего этнического самосознания, а также более или менее четкого образа исторической родины. При этом приверженность исторической родине может сохраняться в национальной самосознании диаспоры на уровне исторической памяти, которая на разных этапах становится основой для пропаганды идей репатриации. Как правило, представители диаспоры имеют проблематичные взаимоотношения с окружающей этнокультурной средой, в которой они проживают, воспринимая ее как угрозу ассимиляции» [8].

Фактором сохранения этнической идентичности крымских татар за период с конца XVIII в. на территориях Турции, Румынии, Болгарии можно считать существование переселенцев из Крыма в обстановке моноэтничного воспроизводства своей этнической группы, что способствовало сохранению этнокультурного ядра крымских татар. При этом разница между крымско-татарской диаспорой Турции и собственно крымско-татарским этносообществом Крыма является ощутимой. Это объясняется тем, что диаспора в Турции, как указывает в своем исследовании О.В. Рябцев, «продолжает нести в себе историческую память о Крыме, являясь, по сути, частью современного турецкого общества» [9, с. 84]. Однако, как отмечает он же, «на этом фоне с конца 1980-х гг. отмечается активизация национального самосознания диаспоры, что было тесно связано с институционализацией крымско-татарских национальных структур в Турции» [10]. Другой исследователь указывает, что «репутация крымских татар довольно высока в Турции, поскольку тюркское самосознание выросло из работ известных татарских мыслителей, таких как Исмаил Гаспринский и Юсуф Акчура, которых почитают не только турки, но и их собратья в тюркском мире» [11].

Каналами влияния крымско-татарской турецкой диаспоры являются гуманитарные организации. Одна из них – «Союз культуры и взаимопомощи крымских тюрков», основными декларируемыми задачами которого являются оказание поддержки соотечественникам в Крыму и сохранение этнической культуры крымских татар.

Аналогичное взаимодействие происходит и по линии молодежных структур. Государственным органом Турции по реализации государственной политики в отношении крымско-татарского этносообщества в Крыму является Агентство по международному развитию и сотрудничеству при

Совете министров Турции – Türkiye İşbirliği ve Kalkınma İdaresi (TİKA). Хотя работа данного органа и распространена на многие регионы, среди которых Балканы, Северная Африка, Ближний и Средний Восток, Восточная Европа, Причерноморье, Северный и Южный Кавказ, Центральная Азия и Поволжье, Крым представляет собой один из наиболее пристальных объектов внимания [12, с. 94]. Данная организация является механизмом сотрудничества между государственными учреждениями, университетами, неправительственными организациями и частным сектором. Финансирование организации растет: если в 2002 г. объем средств, выделяемых на международные проекты, составлял 85 млн долл. США, то в 2015 г. он составил 3 913 млн долл. США [13].

Крымско-татарское этносообщество может восприниматься и как связующий элемент между Турцией и Украиной, а последняя – как связь с Восточной Европой. Геостратегическая важность связей Украины и Турции объясняется совместным членством данных стран в ряде международных и региональных объединений. Турецкое влияние на Крым объясняется также геополитическим положением полуострова. Географическое расположение Крыма в Причерноморском регионе дает возможность контролировать положение дел в Азово-Керченской акватории, а также обеспечивает выход к проливам Босфор и Дарданеллы. При этом ключевое значение для реализации внешней политики Турции приобрела политика «мягкой силы», в комплекс форм реализации которой входит:

- в сфере образования, науки и инноваций – заключение соглашений между университетами и совместные исследовательские проекты в рамках реализации программ научно-технического сотрудничества;

- в сфере предпринимательства и инвестиций – двусторонние и многосторонние советы, упрощающие деятельность турецких предпринимателей;

- в сфере продвижения языка и культуры – создание школ, в которых изучаются турецкий язык, турецкая история и культура, открытие кафедр преподавания турецкого языка в университетах.

Турция поддерживала усилия украинских властей по содействию репатриации крымских татар. Турецким агентством по международному сотрудничеству и развитию в Крыму был реализован ряд проектов, общая стоимость которых составила 25 млн долл. США, в том числе проект «1000 домов» для крымских татар [14, с. 147]. Финансовый аспект влияния Турции на крымско-татарский этнополитический процесс заключается в привлечении по каналам ТİКА значительных инвестиций в экономику Крыма. Контрагентом турецко-крымско-татарского взаимодействия в Крыму является «Меджлис крымско-татарского народа», выступающий посредником в процессе продвижения турецкого капитала на полуостров. «Меджлис», как указывает О.В. Рябцев, «по вполне понятным причинам имеет “карт-бланш” в процессе распределения инвестиционных средств. Более того, по оценкам некоторых крымских экспертов, для лидеров “Меджлиса” турецкий капитал стал едва ли не основным источником личного обогащения. Одновременно с активизацией работы агентства на крымской “площадке” под эгидой “Меджлиса” был создан фонд “Крым”, председателем которого стал М. Джемилев. Фонд выступает в роли основного партнера ТİКА не только в Крыму, но и целом на Украине» [15, с. 96].

Присутствие турецкого капитала наиболее ощутимо в районах компактного проживания крымско-татарского населения Крыма: в Симферопольском, Белогорском, Бахчисарайском и Нижнегорском районах [16, с. 97]. ТİКА участвовало в реализации проектов, связанных с развитием курортной сферы, а также в сфере строительства. К ней относятся строительство жилых объектов, национальных школ, реставрация историко-культурных памятников. Отлаженная система сотрудничества «Меджлиса крымско-татарского народа» с официальными представителями Турецкой Республики, ее бизнес-кругами, куда входит регулярное участие руководства «Меджлиса» в украинских делегациях в поездках в Турцию и при приеме турецких делегаций на Украине, может свидетельствовать о высоком уровне международного влияния «Меджлиса крымско-татарского народа».

Таким образом, в течение длительного исторического времени Турция, начиная с установления вассалитета Османской империи над Крымским ханством в конце XV в., остается одним из наиболее значимых игроков в Крыму, рассматривая полуостров, являющийся центром северного Причерноморского региона, в качестве плацдарма для укрепления своих геополитических позиций. Стремление к сохранению турецких инвестиций, благоприятным условием существования которых является политическая стабильность территории, может выступать причиной, объясняющей представляемую некоторыми современными исследователями недостаточно активной позицию руководства Турции по защите территориальной целостности Украины в период ее фактической утраты контроля над Крымом в 2014 г.

Принимая во внимание все вышеперечисленные факторы, связанные с обоснованностью турецкого влияния на крымско-татарский этнополитический процесс на Украине, можно обосновать отрицательную реакцию Анкары на итоги крымского референдума 2014 г. Сюда относятся также

громкие заявления имеющего по некоторым данным крымско-татарские корни министра иностранных дел Турецкой Республики А. Давутоглу в марте 2014 г., обещавшего политическую, международную и экономическую поддержку Украине для сохранения территориальной целостности данного государства. Однако присоединения Турции к антироссийским санкциям не произошло, что может быть вызвано фактором несопоставимости экономического значения Украины и Российской Федерации для Турции. На 2014 г. товарооборот между Турцией и РФ превышал 33 млрд долл. США, а доход от российских туристов составлял на тот момент не меньше 4 млрд долл. США [17]. Следует также иметь в виду, что период, предшествовавший 2014 г., характеризовался значительным укреплением двусторонних отношений между Турецкой Республикой и РФ, что также можно считать фактором, определившим половинчатую политику Турции по отношению к внутриукраинским политическим процессам, в том числе к проблеме крымско-татарского населения полуострова Крым в условиях фактической утраты контроля над ним со стороны Украины.

Ссылки:

1. Шевчук А.Г. Обзорно-аналитическая оценка текущей социокультурной и этноконфессиональной ситуации в циркумпонтском геополитическом пространстве // Вопросы развития Крыма : науч.-практ. дискус.-аналит. сборник. Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. Симферополь, 2012. С. 275–282.
2. Григорьянц В.Е. О некоторых особенностях процесса возрождения ислама в Крыму (1989–1999 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.niss.gov.ua/crimea/files/islam.htm> (дата обращения: 22.03.2018); Григорьянц В.Е., Ишин А.В., Шевчук А.Г. К вопросу о государственно-конфессиональных отношениях в Украине и АПК. Изд. 2-е, перераб. и доп. Симферополь, 2004; Давыдова В.Р. Глобализация как фактор внутриконфессиональных противоречий в мусульманском сообществе Крыма // Вопросы развития Крыма. С. 44–48; Сенюшкина Т.А. Этнополитическая ситуация в Крыму: анализ, прогноз, тенденции // Там же. С. 373–378; Червонная С.М. Проблемы возвращения и интеграции крымских татар в Крыму: 1990-е гг. М., 1997; Ее же. Возвращение и интеграция крымских татар в Крыму: 1990-е гг. // Вынужденные мигранты. Интеграция и возвращение / под ред. В.А. Тишкова. М., 1997. С. 170–176.
3. Рябцев О.В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России: на примере крымско-татарского национального движения : дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2008. 182 с.
4. Там же. С. 61.
5. Sneider D., Torbakov I. Crimea – the Next Bosnia? // National Review. 1993. Vol. 45, no. 15. P. 26–28.
6. Gürler R.T. Turkey's Soft Power towards Central Asian Countries after the Cold War [Электронный ресурс]. URL: www.uli.sakarya.edu.tr/sites/uli.sakarya.edu.tr/file/1371681799-recepгурлер.pdf.pdf (дата обращения: 04.02.2018).
7. Болдырев А. Крымский фактор в российско-турецких отношениях [Электронный ресурс]. URL: http://militari-org.ucoz.ru/publ/ukraina_krym_rossija/krymskij_faktor_v_rossijsko_tureckikh_otnoshenijakh/17-1-0-29288 (дата обращения: 10.02.2018).
8. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. 1991. Vol. 1, no. 1. Spring. P. 83–99. <https://doi.org/10.1353/dsp.1991.0004>.
9. Рябцев О.В. Указ. соч. С. 84.
10. Там же.
11. Болдырев А. Указ. соч.
12. Рябцев О.В. Указ. соч. С. 94.
13. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı [Электронный ресурс] = Турецкое агентство по сотрудничеству и координации. URL: <http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakimizda-14649> (дата обращения: 22.03.2018).
14. Сафонкина Е.А. Турция как новый актер политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9, № 2. С. 145–166.
15. Рябцев О.В. Указ. соч. С. 96.
16. Там же. С. 97.
17. Болдырев А. Указ. соч.